

18+

Андреана Светлана

Азар. Огонь в Ираке
Книга 1

Андреана Светланава

Азар. Огонь в Ираке. Книга 1

«Издательские решения»

Светланова А.

Азар. Огонь в Ираке. Книга 1 / А. Светланова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518489-4

Молодая красивая девушка оказалась в самом эпицентре военных действий на Ближнем Востоке. Могла ли она предположить, что её ждёт? Кто поможет ей выжить? Кетрин не представляла себе, что эта короткая поездка перевернёт её жизнь, изменит цель, к которой она так долго стремилась. И виной всему станет один человек. Она попала в полную зависимость от него, во всех смыслах этого слова. Но готов ли он изменить своё мировоззрение ради неё?

ISBN 978-5-00-518489-4

© Светланова А.
© Издательские решения

Содержание

Азар. Огонь в Ираке	6
Книга 1	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Азар. Огонь в Ираке

Книга 1

Андриана Светланова

© Андриана Светланова, 2025

ISBN 978-5-0051-8489-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-8490-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Азар. Огонь в Ираке

Книга 1

Пролог

Миссис Коулби кусала нижнюю губу и театрально заламывала руки, всем видом пытаюсь вызвать у преподобного отца Лайонелла жалость и сострадание. Но от его пронизательных ясных глаз не могли укрыться её лицемерие и расчётливость.

– Какой конкретно помощи вы ждёте от меня, миссис Коулби?

– Ну я же уже говорила вам... Помогите перевоспитать её! Сделайте послушной, порядочной девочкой, и...

– И удобной для вас, полагаю?

Щеки миссис Коулби вспыхнули: «На что вы намекаете? Я – хорошая мать!»

– Не сомневаюсь. Позвольте уточнить, она дочь от первого брака? – преподобный надел очки, изучая документы на столе.

– Да, а при чём здесь это?

– Могу я узнать, кем был её родной отец, каким человеком?

– Негодяем! Мне хотелось бы вычеркнуть этот кусок жизни из памяти! Сколько себя помню, у нас никогда не было денег, а те крохи, что он приносил, сам же и проматывал. Играл в азартные игры, выпивал, мог не приходить домой по несколько дней. Все русские мужчины таковы. А однажды он ушёл и не вернулся. Наверняка загнулся где-нибудь по-пьянке! Простите, конечно, я знаю, нужно прощать ближнего своего... Но он принес мне много горя! И характер был отвратительный – вспыльчивый, непримиримый, не желал слушать никаких замечаний в свой адрес. Если бы ни Кэти, я бы никогда не вышла за него замуж! Я случайно узнала, что беременна, и мне пришлось...

Преподобный протестующе поднял руку, не желая слушать и без того очевидное продолжение: «Достаточно, благодарю вас! Думаю, не ошибусь, если предположу, что девочка пошла в отца, верно?».

Миссис Коулби обрадовалась, что её наконец-то поняли и горячо закивала: «Да, абсолютно! Те же рыжие волосы, тот же скверный характер! Вы не представляете, чего мне стоило уговорить её уехать из России в Америку! Она дралась, грубила, убегала из дома. Я думала, Джон станет ей хорошим отчимом, сможет её урезонить, но она неуправляема!».

Миссис Коулби сделала эффектную паузу, затем громко разрыдалась. Преподобный встал, чтобы налить ей стакан воды: «Прошу вас, успокойтесь. Давайте перейдём к тому, почему вы решили, что наш пансион сможет вам помочь?».

Женщина пару раз всхлипнула и продолжила: «В свои 13 лет Кэти сменила три школы. Из последней её отчислили за хулиганство, она побила мальчика. Тот неудачно пошутил в её адрес. Директор той школы, мисс Трэвис, посоветовала мне отдать дочь не просто в школу, а в исправительное учреждение, вроде вашего. Так я оказалась здесь. Я очень хочу помочь своей дочери!»

Отец Лайонелл ни разу не поверил ей, более того, прилагал массу усилий, чтобы не показывать или не высказать этой даме своего мнения о ней, насколько она эгоистична и как ему жаль её дочь. Вместо этого он спокойно и вежливо произнёс: «У нас вовсе не исправительное учреждение. У нас пансион для девочек, образовательное учреждение с религиозной направленностью. Но мы готовы принять вашу дочь. Более того, я готов это сделать уже завтра с утра. Дабы облегчить ваши страдания, связанные с её воспитанием.»

– О, как чудесно! Спасибо! Я приеду в какой-нибудь из выходных, чтобы навестить её. Чек за первый триместр я уже оплатила. Я знала, что вы не откажете! Завтра утром привезу её.

– Хорошо. Комната будет готова. Она располагается в этом же крыле, где и мой кабинет. Зайдите ко мне, как приедете. Хочу лично побеседовать с Катериной, познакомиться ближе.

Утром следующего дня отец Лайонелл сидел в своём кабинете за письменным столом и смотрел на девочку, сидящую напротив него. Молча, мягко улыбаясь, смотрел на колючего ёжика, выпустившего все свои иголки в попытке защититься, уколов оппонента побольнее. Её скрещенные руки, поза нога на ногу, вызывающий, прямой взгляд – всё кричало о готовности сражаться! Или защищаться?

Между тем, девочка была прекрасна, и даже горящие презрением зелёные глаза не портили её очарования; через несколько лет она станет настоящей красавицей, и его задача – сделать так, чтобы она использовала это во благо, а не во вред себе.

Необычные, яркого оттенка рыжие волосы беспорядочными волнами ниспадали на худые плечи, идеально отражая бунтарский нрав. Бледная кожа в купе с зелёными глазами и дерзко вздёрнутым носиком завершали образ. «Слава Господу, что мы живём не во времена Великой Инквизиции» – невольно подумалось ему. Преподобный встал, подошел к девочке и сел рядом с ней на соседний стул.

– Можешь звать меня Лайонелл. По сути, у тебя два варианта: продолжать разыгрывать из себя вонючку, или попытаться договориться со мной. Облегчишь себе жизнь на ближайшие годы пребывания здесь. Судя по общению с твоей матерью – ты здесь надолго. Выбор за тобой.

Девочка на миг задумалась, озадаченно глядя на странного священника. Кажется, он не собирался читать ей нотации о её безнравственном поведении, чем безусловно заслуживал её снисхождения и некоторого внимания...

– Меня зовут Катя. Друзья зовут Кэти. Только не «мисс Коулби»! Вообще-то, если честно, я не люблю попов!

– Я тоже не люблю «попов». В том смысле, который ты вкладываешь в это слово.

Девочка улыбнулась очаровательной белозубой улыбкой, настолько искренне, что преподобный сам невольно заулыбался. Это был первый знак доверия, который непременно перерастёт в понимание, а затем и в крепкую дружбу.

Глава 1

Прошло 10 лет

Дик Дэвидсон развел руки в стороны, будто подтверждая этим жестом масштаб своей идеи.

– Это будет сенсация, новости из первых рук! Мы будем одни из немногих, кто решится на это. Помимо баснословных рейтингов это обеспечит солидный гонорар! Подумайте!

Дик сделал паузу, окинув взглядом своих подчинённых. Разносортные журналисты старательно рассматривали бумагу на столе и вертели шариковые ручки в руках. Никто не проникся идеей босса. У всех были семьи, да и специализация совсем иная.

– Конечно, это риск. – Озвучил очевидную истину Дик – Риск высокий. Но это наша работа. Это наш заработок! Разве не для этого вы здесь?

Один из сидящих за столом подал голос: «Мы же не корреспонденты горячих точек, босс! Для этого требуется подготовка».

– Я предвидел этот момент. Разумеется, экспресс-подготовка будет обеспечена. Полковник Лостнер, мой давний приятель, любезно согласился предоставить нам военную базу для этой цели. Вводный курс по самообороне и медицинской первой помощи, а также тренинг с психологом – всё это я могу вам гарантировать.

– Здорово! А девушек туда берут? – раздался звонкий голос.

Дик повернул голову в сторону двери и нахмурился, недовольно скрестив руки на груди. Девушка с рыжими волосами, слегка выощимися от природы, наделёнными огненным оттенком, бодро прошествовала к ближайшему свободному креслу.

Её наряд вносил сумятицу в чопорный сухой стиль одежды окружающих. Дик придиричиво оглядел неприлично короткую джинсовую юбку и синюю футболку с надписью «mistress of destiny», в результате нахмурился ещё больше:

– Кетрин Коулби! Я выпишу тебе очередной штраф за опоздание! И ещё один, за несоблюдение дресс-кода компании!

– Что же, если такова цена моего самовыражения – так тому и быть. – Растянуто произнесла девушка. По залу пронеслись смешки. Дик хотел было что-то сказать, но передумал, – предыдущая тема была слишком важна, необходимо вернуться к ней. А с этой девицей он разберётся позже.

Маленькая провокаторша! Давно бы её уволил, если бы не её статьи, приносящие хорошую прибыль.

– Итак, продолжим. После инструктажа на военной базе наш журналист и корреспонденты от конкурентов отправляются в Ирак на борту военного самолёта, совместно с солдатами армии США. Высадка планируется в пригороде Багдада, на территории нашего штаба. Там же будет проживание в течении 14 дней. За это время вы должны совершить три пресс-тура, взять интервью у местных жителей, фото, видео. По истечению срока командировки военным самолётом вас доставят домой. Подумайте, за несколько дней вы можете заработать столько, сколько и за год не заработаете! Ну, кто хочет изменить свою жизнь?!

– Я! – подняла руку Кетрин.

Дик проигнорировал её и продолжил выжидающе смотреть на своих подчинённых.

Не дождавшись ответа, он решил взять тайм-аут: «Даю вам время подумать до пятницы! Не хотел бы связываться с фрилансерами, когда у меня есть целый штат профессионалов». Дик отъехал на офисном стуле от стола, давая понять, что совещание окончено.

Поднялся гул голосов, зашуршали бумажки, коллеги Кетрин один за другим покидали кабинет. Она же упорно сидела в кресле. Дику даже не требовалась смотреть в её сторону, он и так знал, что она осталась: «Катя, не начинай этот разговор. Мой ответ – нет».

– Могу я узнать причины? Ты сам говорил, что я отличный журналист, у меня талант!

– Нет, я сказал.

– Но почему??

– Ты хочешь услышать причины? Ладно! Потому что ты – молодая взбалмошная девчонка! Потому что вечно лезешь, куда не надо! Потому что никого не слушаешь! Я уверен, что ты попадешь в беду в первый же день! Достаточно аргументов?

С его словами трудно поспорить, Катя всё про себя знала. Однако именно ей нужны были эти деньги, этот гонорар. Если она их получит, её мечта наконец осуществится. Она копила несколько лет, усердно работала, осталось совсем немного до реализации её цели! И сейчас у неё нет права отступить!

– А если я дам слово соблюдать все правила безопасности, слушаться вашего полковника Лостнера и быть умницей? И при этом привезу вам такой репортаж, что главный редактор The New York Times съест собственный галстук от зависти! Подумайте до пятницы.

Дик на секунду задумался, отвернувшись, затем замотал головой: «Нет, это абсурд. Я не пойду на такой риск. Даже не поднимай больше этот вопрос. Понятно тебе?».

Он замолчал, увидев, что кабинет пуст, чертовка ушла, оставив его размышлять над заманчивой перспективой, которую нарисовала.

У лифта Кетрин поджидал Дэвид Нолтон, высокий худошавый парень, который всегда ходил в одном и том же сером костюме. Костюм был явно великоват и висел на нём, как мешок. Несуразные очки портили в целом симпатичное лицо. Кетрин считала его своим другом, он был эрудирован, писал неплохие статьи, но имел серьёзный недостаток для журналиста – не был нагл. Из-за этого получал лишь мизерный оклад. Дэвид был влюблен в Кетрин, давно и самозабвенно, она это знала, но сразу расставила границы. Они – друзья.

– Ты уговорила его, да? Ты это сделала? – спросил он её, когда она приблизилась.

– Ещё нет, но сделаю это. Мне нужны эти деньги, и я их добуду, даже если для этого придется неделю спать в вонючей казарме с клопами.

– Клопы – это меньшее из зол. Там война, Катя, ты понимаешь это? Если тебя захватят боевики – тебе конец, и повезёт, если просто убьют!

– Не пугай меня пытками, Дэйв, забыл – я прошла через монастырь! – Катя пыталась отшутиться, но её друг был всерьёз озабочен. Они вошли в лифт, после молча спустились в холл, и там Дэвид произнёс: «Я понимаю, тебя не переубедить. Но обещай мне хотя бы то, что изучишь статьи в интернете по этой теме, чтобы ты точно осознавала, куда едешь!»

– Обещаю! Пойдём выпьем по чашке кофе, а то у меня встреча через час.

Вечером, уютно устроившись в кресле в съёмной квартире, Катя выполняла своё обещание, просматривая материалы про войну в Ираке. Она изучала причины начала конфликта, особенности политики Хуссейна, традиции и обычаи страны. В завершении исследования она набрала в поисковой строке «пытки пленных в Ираке».

Дэвид был прав, зрелище не для слабонервных.

Однако, сидя в мягком кресле с бокалом вина, окутанная домашним теплом и мягким светом торшера, сложно осознать весь ужас того, что запечатлено на картинках в интернете. Тем более невероятной казалась возможность, что это может случиться с тобой.

«Я справлюсь. Я же буду не одна, а с целой армией! И с оружием. Всё будет хорошо».

Резкий звук мобильного заставил Кетрин вздрогнуть – чуть не выронила бокал из рук. Взяла телефон и скептически посмотрела на имя звонившего. Тихонько выругалась.

– Алло, да, мам.

– Катя, ты спятила?! Решила вогнать меня в гроб раньше времени?
– Что опять случилось?
– Это я у тебя хочу спросить! Что это ты задумала?? Какой ещё Ирак? Там людей режут, как свиней!
– И кто же тебе раскрыл мои грандиозные планы? В моих кругах есть предатель!
– Неважно! Я подам в суд на твою контору!
– Во-первых, меня никто никуда не отправляет. Это моя инициатива. Правда, пока она не встретила одобрения. Во-вторых, я совершеннолетняя, потому разрешения не спрашиваю. Вопросы?
– Ты и раньше не спрашивала! Но должен же в тебе присутствовать здравый смысл.
– Эта функция давно отключена. Всё, давай, мам, мне некогда. В следующий раз придумаю более весомый повод изобразить заботу.
– Катерина! Подожди, я не договорила!
– Зато я договорила, конец связи!
Завершив вызов, Кетрин отключила телефон.
Это по-любому Дэвид! Мама его обожает и давно прочит мне в мужья, а он в свою очередь любит читать мне лекции на тему «понять и простить родную мать». Засранец!
Завтра получит своё!
Если он хочет сблизиться со мной через мать – это в корне не верный путь! Так он только наживёт себе врага в моём лице, разрушит даже то, что у нас есть сейчас – дружбу.
Катя вспомнила о своей заветной мечте, о том, ради чего она копит деньги, и это придало ей решимости. Она вернётся домой, в Россию, чего бы это ни стоило. Отыщет родственников. Купит дом, откроет своё агенство. Всё, как она мечтала. Всё сбудется.

Пятница.

Дик положил на стол копию договора и проворчал: «Подпиши на 3 и 4 страницах. Оригинал останется у меня».

Катя послушно поставила автограф, пряча победоносную улыбку. Сегодня она пришла на работу в белой блузке и коричневой юбке-карандаш, будто желая сказать боссу: «Смотри, я могу быть паинькой!». Дик недоверчиво покачал головой: «Поверить не могу, что я это делаю!».

«Не стоит скорбить обо мне раньше времени» – пошутила Катя, однако, увидев скептическое выражение лица начальника, поспешила добавить: «Я обещаю вести себя хорошо. Быть осторожной, слушаться полковника и носить всю эту хрень для самозащиты!».

– Эта, как ты выразилась, хрень может спасти тебе жизнь! – Рывкнул Дик.

Когда они закончили с формальностями, Катя поторопилась ретироваться. Ей всё время казалось, что босс сейчас передумает. Но он ничего такого не сказал, лишь пожелал удачи и попросил быть осторожнее.

Глава 2

Катя ослабила ворот своей рубашки, пытаясь хоть немного облегчить собственные страдания. Они летели уже более 6 часов, пересекая Атлантический океан, и Катя ощущала дикую боль в висках и тошноту. Самолёт явно не приспособлен для комфортной перевозки пассажиров. Это был военный самолёт Боинг С-17А Глоубмастер, в котором, помимо неё, на жестких сидениях располагались около 150 доблестных солдат армии США, а также груз военного назначения.

Кетрин упорно терпела муки укачивания, дабы не привлечь к себе излишнего внимания. Но это было невозможно; огненные волосы и симпатичное личико ярким пятном выделялись на фоне остальных участников полёта. Солдаты косо на неё смотрели, явно озадаченные её присутствием. Остальные журналисты все без исключения были мужского пола, обращались с ней более миролюбиво, с долей флирта и юмора. Полковник Лостнер был вежлив, но не более. Он тоже считал её поездку абсурдной идеей, о чём не постеснялся сообщить Кате до полёта. Сейчас он взглянул на неё практически с жалостью: «Вам дать ещё воды, мисс Коулби?».

– Просто Катя, или хотя бы Кетрин, пожалуйста. Нет, благодарю.

– Вам лучше попить, пока есть возможность.

– В смысле, «пока»?

– На базе в Ираке питьевая вода – роскошь. Там сухой, знойный климат, в середине лета дождей почти нет. При прошлом моём визите термометр не опускался ниже 40*С.

– Ясно. – Катя благоразумно приняла флягу и сделала несколько глотков. Желудок моментально запротестовал, издавая не слишком приятные звуки, но, благо, при шуме двигателей никто ничего не услышал.

Когда организм девушки совсем отказался внятно функционировать в подобных условиях, пилот объявил о скорой посадке. Самолёт пошёл на снижение.

Посадка, как и полёт, была не самой мягкой и Катя всерьёз приготовилась к рвоте. Желудок был пуст и дело закончилось парой-тройкой непонятных звуков, похожих на срыгивание. Она решила, что хуже уже не будет. Поняла, что ошиблась, едва ступив на землю...

Воздух. Его просто нет! Вместо него горячий песок, который взвился в небо при посадке самолёта, осел на волосах, одежде, попал в нос и глаза. Вокруг однообразный пейзаж, похожий на пустыню, – все оттенки жёлтого, кругом песок, камни, и лишь несколько серо-зелёных пятен, – наших солдат.

Вдалеке виднелись горные хребты, покрытые зарослями. Запахи чужие, плотные, тягучие. Идентифицировать их она не смогла, нагретая солнцем пыль мешала сделать полноценный вдох. Катя достала платок и приложила к носу, надеясь, что так дышать будет легче. Её рубашка мгновенно промокла от пота. Сказать, что здесь жарко – не сказать ничего. «В адском пекле – и то прохладнее!» – пробубнила Кетрин.

– Вам видней. За мной. – Раздался над ухом голос полковника. Девушка пропустила шутку мимо ушей, последовала за Лостнером. Они погрузились в мощный виллис (*военный джип – прим. автора*) и двинулись в путь. Дорога длилась не более 15 минут, но Катя была еле жива. Голова раскалывалась, глаза чесались от песка, желудок крутило. Больше всего ей хотелось упасть на постель и умереть часов на десять!

Минова КПП, колонна военных машин въехала на территорию базы. Вместо казарм я увидела шатры, обтянутые чем-то вроде брезента. Удобства и столовая – на улице. Сотни военных в форме цвета хаки, бронированные джипы, четыре танка, крупнокалиберные пулемёты и миномёты. Я словно попала на съёмки военного кинофильма.

Моя внутренняя я, советчица и подруга, подала голос: «Что с тобой? Неужели тебе страшно? Может передумаем, пока не поздно?». Я тряхнула головой, чтобы избавиться от неё, и обратилась к полковнику: «Могу я отдохнуть немного с дороги?».

– Конечно. Только сперва вам следует пройти инструктаж и получить военную амуницию. Затем зарегистрироваться в журнале учёта, где вам выдадут пропуск для прессы, и после этого вас проводят в вашу палатку. Джеймс будет сопровождать вас. – На этих словах полковник откланялся, оставив меня рассматривать робкого юношу.

Джеймс был юным, светловолосым парнем, с чистыми голубыми глазами, смотревшими на меня с заинтересованностью и дружелюбием. Ну хоть кому-то я здесь не мешаю!

– Привет, Джеймс. Я – Катя.

– Доброго дня, мисс! Пойдёмте, я провожу в штаб. Вы, видать, очень храбрая, раз не побоялись приехать сюда?

Я широко улыбнулась той улыбкой, из-за которой мальчишки в школе забивали друг другу стрелку: «Ну что ты, вовсе нет. Просто мне, как и всем, нужны деньги. Я должна сделать репортаж для своего агентства.»

– Вы ещё и честная. Редкость для таких профессий.

– Верно подмечено! Ты мне нравишься, Джеймс.

Парень покраснел от смущения и предпочёл промолчать. Пока они шли к штабу, Кетрин ловила на себе мужские взгляды. Не удивительно, девушки здесь редкие гости, не считая пленниц. А стройная, рыжеволосая Кетрин ярким пятном выделялась среди местного контингента. В этот момент советчица вновь подала голос: «А теперь представь, что будет, если тебя разглядят восточные мужчины, для которых ты словно диковинный товар?». По коже пробежали мурашки. В душу закрались первые червячки сомнений, прогрызая основу моей уверенности.

– Всё, пришли. – Прервал мои беспокойные мысли Джеймс.

Штаб по сути тоже был палаткой, только более комфортабельной. Около часа меня держали в нём, и когда я наконец дошла до своего скромного жилища, то буквально упала замертво. Джеймс оставил мне рацию, на случай если мне понадобится помощь – я могу вызвать его. Ещё предупредил, что за территорию базы выходить запрещено, только с разрешения Лостнера. Были ещё какие-то предупреждения про пауков, змей и москитов, но я их уже не различала. Моему организму требовался срочный отдых и перезагрузка!

Спустя несколько часов отдыха, мне удалось принять душ. Божественное ощущение я не испытывала за всю свою жизнь! Воистину, чтобы ценить простые вещи, нужно их сначала лишиться. Облачившись в худи зелёного цвета с капюшоном, под которым удобно прятать волосы, и льняные брюки свободного кроя, я решила немного поработать и заснять «будни американских солдат». Ребята охотно отвечали на вопросы, просили передать привет родным. Удалось даже взять интервью у одного контактного земляка. Однако, спиной я постоянно чувствовала плотоядные взгляды на себе. Взгляды мужчин, изголодавшихся по женской ласке и вниманию. И при общении мужчины пытались кидать недвусмысленные намёки. Приходилось мило отшучиваться и сворачивать беседу вовремя, пока не последовало более конкретных предложений. Остаток дня ушёл на то, чтобы обработать материал. Коррекция, редакция, вёрстка, обработка фотоснимков – всё это я всегда делала сама, в результате получая живой и нетривиальный продукт! За это Дик и ценил меня, спуская мне мои выходки с рук.

Когда я оторвала глаза от ноутбука, было далеко за полночь. Я с удовлетворением откинулась на подушку в надежде сладко проспать до утра. Однако проспать не удалось. Стояла такая духота, что даже без одеяла я была вся взмокшая от пота, глаза покраснели и чесались, кроме того, москиты набросились на нежную белую кожу, будто хищники на свежее мясо!

Наутро Кетрин была уставшей, разбитой и раздражительной.

В столовой, после скудного завтрака, она попросила ещё сока или воды, но ей вежливо отказали, попросив дождаться обеда.

Полдня она провела в своём шатре, проклиная Дика, Ирак с его ужасным по её мнению климатом, президента – за то, что выбрал такую неудобную страну для воплощения своих наполеоновских идей, и вообще всех, кто к этому хоть каким-то образом причастен!

Вскоре зашёл Джеймс и сообщил, что через час выдвигаемся в Багдад и можно принять участие в рейде. Настроение заметно улучшилось, руки затряслись от возбуждения, в зелёных глазах вспыхнул огонь азарта.

Кетрин собралась за 10 минут -убрала волосы под шлем, одела бронежилет, нацепила крупный бейдж «Пресса», вооружилась камерой и диктофоном. Колонна представляла собой два военных грузовика, спереди и сзади сопровождаемых танками Челленджер третьего поколения. Кетрин сидела на низких скамьях во втором грузовике от начала колонны и слушала свой бешеный пульс. От волнения ладони вспотели еще больше и в ушах гудело так, что Катя еле расслышала голос Джеймса: «Не волнуйтесь, на окраинах Багдада сейчас тихо, мы контролируем эту территорию. Это просто очередной проверочный рейд».

Въехав в город, мне позволили приоткрыть брезент и сделать снимки. То, что я увидела, повергло меня в шок. Это вовсе не освобождённый от тирана и ликующий по этому поводу город, как нам вещали из новостей. Это обломки былой жизни, грязь, нищета и безысходность.

Окна заколочены картоном, большая часть домов основательно разрушена, повсюду осколки, тряпьё, камни и кирпичи от бывших строений. Несколько худеньких ребятишек, играющих на руинах. Несколько фигур женщин, мешковатая одежда полностью скрывала их тело и голову, а также часть лица. Открыты были только глаза. Никогда не забуду выражение этих глаз. В них горел огонь ненависти и презрения. Они смотрели на меня с укором, и мне захотелось оправдаться, спросить в ответ: «Что я вам сделала? За что вы меня ненавидите?».

Я содрогнулась под взглядами этих женщин и машинально опустила камеру, почему-то почувствовав себя виноватой и вторгшейся в чужой мир.

Это не наша страна, не наша земля, а мы ходим и свободно передвигаемся по ней, устанавливая свои порядки. Какое мы имеем на это право? Конечно, я мало что смыслю в политике, но я верю своим глазам. Здесь повсюду витает дух смерти, я ощущаю его на своей коже! Эта адская смесь запахов дыма, пыли, пота, крови... Становится очевидным, насколько мы, люди, хрупкие и незащитные перед ликом войны. Нет здесь романтики, нет победителей. Страдают все.

Мы вернулись в штаб, когда уже начало темнеть. Солнце плавно опускалось за горные хребты, окрашивая небо в сочный багровый и оранжевый тона. Здесь совсем другое небо, нежели в Штатах. За счёт большого свободного пространства, оно казалось бесконечным! Отсутствие небоскрёбов позволяло увидеть всю красоту и величие восточного заката. Потрясающая картина!

Но впечатление омрачало горькое послевкусие от сегодняшней поездки. Я не могла уснуть, несмотря на усталость. Перед глазами вновь и вновь мелькали картины раненого города. И глаза этих женщин. Чьих-то жен, матерей, дочерей или сестёр. Мне даже сейчас кажется, что я слышу их крики...

Крики. Нет, это не галлюцинация. Я правда слышу чей-то приглушенный крик, полный отчаяния. И это женский голос. Кому-то необходима помощь!

Не раздумывая, Кетрин набросила на плечи лёгкую куртку с капюшоном, спрятала волосы, которые как огонь маячили в темноте, намереваясь привлечь к себе внимание. Она двинулась на звук, выйдя из палатки и направившись по дороге мимо других временных жилищ. На шее на шнурке болталась камера, которую Кетрин попросту забыла снять. Она медленно приближалась к источнику звука, – мычащие стоны женской боли стали громче. К ним примешивались выкрики и смешки мужчин. Постепенно в сознании Кетрин нарисовалась кар-

тина того, что ей предстоит увидеть. По спине пробежал холодок, желудок сжался от нехорошего предчувствия.

В темноте, на расстоянии метров 10, глаза различили кучку солдат. Кетрин бесшумно подошла ближе, и тут увидела всё. Она судорожно закрыла рот рукой, чтобы не закричать от ужаса. В центре круга из солдат на четвереньках стояла голая женщина арабской внешности, явно местная. Её пытались насиловать сразу трое: один в рот, другой традиционным способом, третий – рукой в задний проход. Остальные солдаты весело улюлюкали и выкрикивали непристойности, подбадривая насильников. В воздухе витал крепкий запах спиртного. Ничего более омерзительного и жестокого Кетрин не видела за всю свою жизнь... Женщина уже не могла активно сопротивляться, лишь глухо рычала, как зверь, угодивший в капкан и потерявший надежду на спасение.

Кетрин потеряла дар речи от вопиющей картины. К горлу подступило содержимое желудка, отбежав на пару шагов, её вырвало. Она наспех вытерла рот рукавом и бросилась на помощь несчастной, готовая разорвать этих ублюдков на куски! Внезапно кто-то зажал ей рот, сгрёб её в охапку и оттащил в сторону: «Нет, мисс Коулби, пожалуйста, не встревайте!»

Кетрин отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться: «Нет, отпусти, Джеймс! Я убью этих пьяных выродков!».

Джеймс оттащил её довольно далеко, и встряхнул за плечи, неожиданно став взрослым и серьёзным.

– Это пленница, её поймали сегодня на шпионаже. Она перерезала горло нашему дежурному! Вы ей уже ничем не поможете. Поймите же это. А пьяные солдаты могут и вас... обидеть. Успокойтесь. Прошу!

– Но как они могут?! Они же люди, а не звери!!

Кетрин перестала вырываться и только лишь беззвучно плакала. Её сердце разрывалось от жалости к пленнице и от собственной беспомощности. Она ничего не может сделать против стада обезумевших от похоти мужчин. Хотя, кое-что она может.

Кетрин включила камеру и трясущимися руками стала снимать: «Я покажу это всем, и их матерям в первую очередь!». Джеймс печально передёрнул плечами: «Вы ничего не в силах изменить, мисс». Он ушёл, а Кетрин снимала. Вскоре она почувствовала, что силы её на исходе, она не может более выносить это, и направилась в свою палатку.

Этой ночью она поняла, куда попала. Война – это катализатор, который высвобождает все самые худшие человеческие пороки. Какой бы ни была цель, она не оправдывает подобные средства. После поездки сюда что-то изменится внутри неё. Меняется прямо сейчас. Многие вещи придётся переосмыслить...

Утром полковник Лостнер приветливо кивнул Кетрин за завтраком. Та едва заметно кивнула в ответ, но улыбаться, как бывало раньше, не стала. Он наверняка знал о случившемся ночью. И предпочитал делать вид, что ничего не произошло.

Она наострила уши, весь завтрак солдаты обсуждали предстоящую вылазку в город Эль-Фаллуджа, что западнее Багдада. Решение поехать туда даже не обсуждалось в голове Кетрин с её советчицей, которая была категорически против. Кетрин сосредоточилась на беседе Лостнера с каким-то военным:

– Армия Махди уничтожила весь наш отряд, отправленный патрулировать окрестности. Возьми лучших, выступаем сегодня как стемнеет.

– Есть. Но они не единственные, кто борется за землю. Я слышал, люди Джехана так же заинтересованы в противостоянии.

– Их внутренние группировки меня не волнуют. Основная задача – зачистка территории от боевиков. Огонь открывать по всем «несогласным», поддерживающим их, без колебаний. Ясно?

– Так точно.

– Мы должны продержаться до прибытия морпехов и отряда снайперов, тогда уже мы сможем организовать полноценную блокаду города и атаковать повстанцев. А пока наша цель – сократить численность врага.

Кетрин внутренне оскалилась. Интересно, а женщины и дети, по мнению полковника, тоже «несогласные»? Ей необходимо поехать. Но полковник никогда в жизни не разрешит ей присоединиться. Значит, придётся поиграть в переодевания!

На протяжении дня Кетрин то и дело общалась с Джеймсом, выясняя у него обстоятельства предстоящей поездки. К концу дня она была полностью готова совершить то, что задумала. Она предложила Джеймсу выпить холодного чаю перед дорогой, предварительно подмешав туда лошадиную дозу снотворного. Затем, когда тот отключился, уложила его на свою постель и накрыла покрывалом. Выкрыв у него жетон и ключи от шкафчика, Кетрин прокрадлась в мужскую раздевалку, пока там никого не было, и взяла всю амуницию Джеймса, выданную для предстоящей операции.

В своей палатке она переделалась, не забыв натолкать ваты в жесткие ботинки, перетянуть грудь бинтами, натянуть на голову специальную маску, через которую видны были только глаза. Теперь вроде порядок! Нужно спрятать камеру и не забыть молчать, голос её сразу выдаст. И походка, конечно! «Просто представь, что у тебя есть яйца!».

Кетрин улыбнулась, мысленно представив, что бы сказал её друг, преподобный отец Лайонелл, увидев свою подопечную в подобном виде! «Ты всю жизнь будешь попадать во всякие передрыги. Такова уж твоя сущность. Так постарайся хотя бы извлечь из этих ситуаций уроки». – Сказал как-то ей священник. Как в воду глядел!

Небо темнеет. Этот факт сыграл в её пользу. Перед отъездом – построение и перекличка. Затем погрузка в фургоны. Кетрин запрыгнула внутрь одной из последних. Внутри темно, жарко и тесно. Бинты на груди мешают дышать. К счастью, в основном все молчат. Едем долго, сильно качает, сквозь прорези в брезенте ничего не разглядеть – кромешная тьма. Кетрин начало клонить в сон. Она стала кусать губу, чтобы не уснуть.

– Внимание! Приготовились, подъезжаем!

Кетрин вмиг очнулась, наострив уши. Все зашевелились, почувствовалось всеобщее напряжение.

– Приготовиться к высадке! Три, два...

Грузовик резко остановился и солдаты быстро стали выпрыгивать из фургона и куда-то бежать, распределяясь по разным направлениям.

– Эй! Не туда! – крикнул мне кто-то и схватил за руку, таща в противоположную сторону. Добравшись до угла одноэтажного дома и пригнувшись, солдат принялся материть меня, затем присмотрелся и спросил: «А где твоя винтовка?».

– Забыла в машине. – Машинально ответила я.

Тот вытаращил глаза, услышав женский голос. В следующий миг он сорвал с моей головы шлем и маску.

– Твою мать!!! – взревел солдат, глядя на копну рыжих волос, рассыпавшихся по моим плечам.

Откуда-то с неба на нас обрушился грохот, от которого заложило уши. Я не сразу сообразила, что по нам стреляют. Солдат сгрёб меня в охапку: «Пригнись! В укрытие, живо!». Он оттащил меня к стене здания, за которым мы скрылись, и стал отстреливаться. Я только сейчас огляделась по сторонам.

Мы в каком-то посёлке или маленьком городе, по обе стороны дороги тянутся одноэтажные полуразрушенные дома. Напротив нас, через дорогу, толпа военных иракской армии. Или это боевики, не понятно. Я не различала их. По мне, так все на одно лицо! У всех одинаковый камуфляж, чёрные бороды, покрытая голова. Они что-то кричали на арабском и стреляли

в нашу сторону. Рядом с нами, за каменным выступом, отстреливался еще один американский солдат.

Я тихонько попыталась подползти к нему и начала снимать, лежа на земле. Он заметил меня и выругался. Я подумала, что действительно совершила большую глупость, тайком отправившись сюда. Но сейчас уже поздно думать об этом. Дрожащими руками я попыталась выровнять изображение на крошечном экране камеры. Если удастся выжить и доставить материал Дику – он озолотит.

В висках лихорадочно пульсировало от напряжения, я почти не слышала, что кричат солдаты друг другу. В воздухе запахло кровью и порохом. Мне нужно найти оружие. Тут я вспомнила про нож в ботинке. Я достала его и крепко зажала в руке. Второй рукой держала камеру, продолжая снимать. Тут краем глаза я уловила фигуру ребенка. Он находился метрах в десяти от нас, сидел на корточках и плакал, толкая безжизненное тело мужчины, лежавшего перед ним в луже крови. Видимо, это был его отец.

Я крикнула ему: «Мальш! Иди сюда! Прячься! Иди ко мне, скорее!». Мальчик услышал и посмотрел в нашу сторону. Его детское лицо исказила гримаса боли и ненависти. Он схватил пистолет с земли и стал беспорядочно нажимать на курок. Солдат, находившийся рядом со мной, машинально открыл огонь в ответ на стрельбу извне. Ребенок упал. «Нет!!! Не стреляй, там ребёнок!!» – заорала я, намереваясь броситься к мальчику. Солдат схватил меня за шкуру и грубо толкнул на землю:

– Куда?! Лежать! Мы и так из-за тебя чуть не погибли!

Он отвернулся. Я не знаю, видел ли он, в кого стреляет. Осознанно или случайно, но он для меня – убийца. Я не знаю, что на меня нашло в этот момент. Слеплённая яростью, я с воплем бросилась на него и воткнула нож ему в шею, где не было защиты. Видимо, случайным образом попала в артерию, поскольку в этот же миг из раны фонтаном хлынула кровь. Солдат ошарашенно выпучил глаза, глядя на меня диким взглядом, полным ужаса и непонимания, повалился на землю. Пару секунд его тело сводила судорога, затем он затих, остекленелыми глазами глядя в пустоту. Я роняю нож на землю, в оцепенении смотрю на труп, но осознание ещё не пришло. К горлу подступает ком, затошнило.

Слышу шум шагов, поднимаю глаза и успеваю увидеть только чёрные глаза и бороду. От сильнейшего удара по голове падаю в темноту. Это конец – было моей последней мыслью, перед тем, как отключиться.

Глава 3

Я очнулась от непривычного ощущения холода и сырости. Лежу на скользком, ледяном полу. Невероятно! Наконец-то мне холодно, впервые с моего пребывания в этой знойной стране. Попыталась немедленно открыть глаза, но не смогла – голова раскалывалась, от малейшего резкого движения кружилась, к горлу подступала тошнота.

Всё же спустя несколько секунд я сосредоточилась и открыла глаза, осмотрелась.

Я в подвале. Темно, сыро, бетонные стены и пол, тусклая полоса света из коридора. Нет окон. Ржавая решетка. Эта картина живо напомнила мне об ужасной ночи из моего детства, когда я оказалась заперта на всю ночь в сыром подвале с крысами.

Чувствую, как паника цепкими когтистыми лапами сжимает моё горло. Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Я попробовала пошевелиться, но не тут-то было: ноги и руки связаны. На мне нет бронежилета, моей камеры, удостоверения журналиста и ножа. Холодно, пальцы заледенели! Очень болит голова. И рёбра! Меня били? Или волокли по земле... Я этого совершенно не помню, но тело помнит отчётливо.

Сколько же я здесь провалялась? Как хочется пить...

Я облизала губы, начала думать, что я могу предпринять. И в тот момент, когда в моей голове зашевелились мысли, вместе с ними пришёл запоздалый, леденящий душу страх.

Осознала всю безысходность ситуации. Я заложница у боевиков, их враг – американка, ещё и женщина. Повезёт, если убьют сразу. Но этого не будет. Все знают об их жестокости и о пытках, которым они подвергают пленных.

Голова пошла кругом, когда я осознала, что меня может ожидать. Я вспомнила женщину, которую насильовали американские солдаты тогда ночью. И я ничем ей не помогла. Видимо, карма не заставила себя долго ждать.

В голову пришла мысль убить себя первой. Тогда они не смогут издеваться надо мной. «Но чем, как... Нет, стоп! Я никогда не сделаю этого, это смертный грех! Буду стоять до конца, сколько смогу!». Сердце колотилось как бешеное, в ушах шумело, мысли путались.

Внезапно слышались приближающиеся шаги и отрывки арабской речи. Я кое-как поднялась на ноги, опираясь о стену. Двое мужчин восточной внешности подошли к решетке и не глядя на меня, стали отпирать замок. Оба были в военном камуфляже, головы покрыты платками, сами увешаны оружием. Один был моложе и без бороды, за счёт чего показался мне человечнее. Второй – с густой черной бородой и маленькими крысиными глазками. Когда эти глаза остановились на мне, моё тело прошиб холодный пот. В этих жестоких и пустых глазах я прочла свой приговор.

Аббас подошел к пленнице и вlepил ей пощёчину: «Опусти глаза, ведьма!» Девушка вскрикнула от обжигающей боли, но в следующий миг подняла на него глаза вновь. Аббас озверел от такой наглости, и ударил её кулаком в лицо.

Кетрин упала, из носа потекла струйка крови. Он схватил девушку за горло и рывком поднял с пола: «Скоро от твоей гордости ничего не останется, американская шлюха!». Его английский был с сильным акцентом, но смысл этих слов она поняла.

Прежде чем Кетрин успела подумать о последствиях, в её зелёных глазах вспыхнул огонь презрения, а рот открылся и произнёс: «Такой мрази, как ты, не дано узнать, что означает иметь гордость!». Мужчина замер, затем резким движением прижал её к стене и приставил к горлу холодное лезвие ножа: «Сейчас ты предстанешь перед Аллахом!».

– Аббас! – окликнул его второй мужчина. – Хозяин ждёт пленницу. Живой.

Хватка ослабла, она смогла сделать вдох.

– Ты прав, Масуд. Но после допроса он отдаст её мне. И тогда придётся сполна ответить за своё оскорбление.

Затем добавил уже тише, глядя девушке прямо в глаза и повертев ножом перед её лицом, – Я отымею тебя во все отверстия, и не только членом, но и этим.

Он с удовлетворением заметил страх, промелькнувший в зеленых глазах, и отпустил её. Второй мужчина подошел, накинул ей на голову мешок, перерезал веревку на ногах, и толкнул вперед: «Иди!».

Я зашевелилась, ступая в темноту. Скрипнула дверца решетки. Масуд шёл рядом, толкая меня в нужную сторону. Голова гудела от напряжения, тошнило, в месте удара Аббаса кожа горела огнём. Я с трудом могла соображать. Это к лучшему, – в моём положении лучше вообще не думать!

Мы шли по ступеням вверх, становилось теплее, сквозь холщовый мешок пробивался дневной свет.

«Кэти, когда-нибудь твой взбалмошный характер доведёт тебя до беды. Ты должна бороться со своими демонами внутри, и тогда Господь не оставит тебя!» – вечно твердил мне отец Лайонелл. Вот я и в беде.

И похоже, исправиться мне не удалось и Господь всё-таки решил, что мне не место на этой земле. Память показала мне мою мать, как она поджигает губы: «Ты так похожа на своего отца! Такая же сумасбродная, неуправляемая! Когда-нибудь ты плохо кончишь, так же, как и он!». Мам, твоя мечта сбылась. Скоро ты избавишься от меня и я не стану портить очередной семейный рождественский ужин в доме отчима своей кислой миной. Но я ни о чём не сожалею. Я такая, какая есть, и не стану другой никогда.

Мысленно я просталась со всеми, понимая, что это мои последние минуты. . .

– Стой здесь.– Сказал Масуд, грубо вырвав меня из собственных размышлений.

С головы сдернули мешок.

Кетрин перестала дышать, увидев, где находится. Она посреди зала, полного вооружённых мужчин. Они стояли вдоль стен, все похожи друг на друга: смуглые, с черными бородами, одетые в чалму и джуббу, увешенные автоматами и гранатами. Все смотрели на неё с презрением и издёвкой.

Впереди, на стуле сидел пожилой мужчина. По обеим сторонам от него стояло двое мужчин помоложе, видимо, приближённые. Его борода была седой, а взгляд более осмысленный, нежели у других. Молча сканировал её пронзительным взглядом умных глаз, от которых ничто не могло укрыться. По его манере держаться было ясно, что он здесь главный.

– Я – Джахан, кто ты такая? – прогремел его голос.

Кетрин собрала остатки мужества: «Моё имя Катерина. Я журналистка».

Голос предательски дрожал. Кетрин из последних сил попыталась сосредоточиться. Она чувствовала кожей, как сотни чёрных глаз ощупывают её тело, придумывая как можно его использовать для собственного развлечения. Или это её воспалённое воображение?

Ей казалось, что всё это происходит не с ней. Сейчас она проснётся в своей уютной съёмной квартирке на Fulton Street в Нью-Йорке, и поймёт, что это был только сон. Но время шло, а она не просыпалась. Капли холодного пота совершенно реально струились по спине, ноги дрожали от напряжения, а рёбра надсадно ныли после побоев, простреливая тупой болью.

Она действительно в заложниках. И очевидно, что живой отсюда ей не выбраться.

Прикусив губу, которая беспорядочно тряслась, Кетрин вновь подняла глаза на старика.

В этот момент её внимание привлёк мужчина, стоявший по правую руку от Джахана. Он отличался от других присутствующих своим внешним видом, чем невольно заставил Кетрин задержаться взгляд.

Высокий, крепкий, стоит в расслабленной позе, скрестив руки на груди, будто ему скучно. Это явно обман. По рельефу его мускулов и осанке сразу видно, что он в любой момент готов к действию, по острому взгляду – что он ничего не упускает. Кожа смуглая, лицо худощавое, без бороды, короткие тёмные волосы. Голова не покрыта, как у остальных. Что странно.

Глаза явно светлые, но издали не видно, какого оттенка. Они резко контрастируют со смуглой кожей. Буравит пристальным взглядом, который трудно выдержать.

Кетрин торопливо переводит взгляд, исподтишка рассматривая его дальше. Черты лица резкие, рельефные скулы, на левой щеке, ближе к виску, рваный шрам, нос явно не единожды был сломан. От шеи вниз и на руках видны татуировки, скрывающиеся под чёрной футболкой.

Кетрин встречала мужчин такого типа на боях без правил, куда ходила однажды со своим бывшим. Но у тех был абсолютно пустой, звериный взгляд. У этого же мужчины взгляд нереально тяжёлый, но далеко не пустой. Подавляющий своей энергетикой, прямой и жёсткий.

Кетрин поёжилась от его взгляда, ей показалось, что он видит её насквозь и буквально слышит, о чём она думает.

«Кто он вообще такой? Почему выглядит не так, как остальные? Почему стоит при этом рядом со стариком? Почему так внимательно смотрит на меня?»

– У нас не принято разглядывать мужчин, и в целом поднимать глаза без разрешения! – раздался властный голос Джехана.

Кетрин спохватилась и послушно опустила глаза. Сейчас не время показывать свой характер. Нужно думать, прежде чем что-то делать и говорить, – возможно, этот человек помирует её, если она проявит благоразумие?

– Ты солгала. Твоё имя Кетрин, а не Катерина. Так? – спросил он.

– Я не лгу. Моё родное имя Катерина. – Коротко ответила девушка.

Джехан нахмурился, повернулся к незнакомцу справа от него и что-то спросил. Тот склонился к Джехану, и что-то шепнул на ухо в ответ.

– Ренат говорит, что это русское имя. Объясни.

В душе шевельнулось что-то, похожее на надежду...

– Да, это так. Меня увезли в Штаты в детстве, против моей воли. Там изменили имя на Кетрин, фамилию на Коулби, по отчиму. Я работаю журналисткой и коплю деньги, чтобы самостоятельно вернуться на Родину. Поэтому я здесь.

Кетрин была честна, как никогда. Как же легко и приятно говорить правду! И, похоже, это верный путь, – взгляд старца стал менее враждебным.

– Значит, ты здесь ради денег?

– Да.

– Почему ты убила солдата-соотечественника?

– Потому, что он застрелил ребенка.

– Ты решила отомстить за иракского ребенка? – старец недоверчиво изогнул бровь.

– Я полагаю, у ребенка не может быть национальности, это просто маленький, ни в чём не повинный человек, – твёрдо заявила Кетрин, глядя мужчине прямо в глаза.

Она вновь ощутила боль, заново переживая момент, когда на её глазах застрелили мальчика. И с ужасом осознала, что собственноручно убила человека. У того солдата ведь тоже была семья. Получается, чем она лучше любого из этих бандитов?

Незнакомец склонился и шепнул что-то Джехану. Тот согласно кивнул. Тогда Ренат заговорил по-русски: «О чём твой репортаж?»

Его глаза голубые! Наконец увидела. Холодные, пронзительные. Взгляд острый, как сотни ножей. А голос резкий и глубокий, под стать взгляду. При этом интонация очень спокойная, но когда он заговорил, в зале повисла тишина. От звука его голоса из центра груди во все конечности прокатились разряды.

Услышав уверенную русскую речь, я окончательно растерялась, не в силах вымолвить хоть что-то членораздельное.

Пауза затянулась, Ренат повторил вопрос иначе: «Ты пишешь о подвиге американской армии?»

– Нет. Я... хотела бы открыть миру правду. – Наконец последовал ответ.

Незнакомец словно сканировал меня, и я выдержала его взгляд, хоть это было непросто. Для меня сейчас это противостояние глаз как спасательный круг. Я отвлеклась, тело перестало неумолимо вибрировать от страха, подбородок перестал дрожать.

Его взгляд держал меня на плаву, не давал окончательно захлебнуться в собственной панике. Где-то в глубине души, на сакральном уровне, я ощущала связь с этим человеком. Он и пугал, и притягивал одновременно.

Раздался голос Джехана, и я перевела взгляд на него: «Меня интересуют все сведения, которые ты знаешь: кто главный, как штаб охраняется, численность личного состава и единиц техники. Всё, что ты знаешь».

Повисла пауза, Кетрин наконец спросила то, что её мучило: «А если я скажу? Что будет со мной?».

Джехан звучно рассмеялся, а вместе с ним и все остальные. Ренат усмехнулся. Моя надежда рухнула. Пощады не будет.

– «Если» ты скажешь?? Поверь, ты расскажешь нам всё в любом случае. Есть немало способов заставить тебя это сделать. А потом тебя казнят. – Успокоившись, размеренно объяснил Джехан.

Мужество покинуло Кетрин, она почувствовала, что ещё немного – и она потеряет сознание. Она в отчаянии бросила взгляд на Рената. С чего-то решила, что он может помочь. Напрасно. Голубые глаза были непроницаемы.

Внезапно он наклонился к Джехану и что-то ему сказал. Кетрин затаила дыхание. Тот молчал, видимо, обдумывал.

Ренат добавил ещё пару слов. Джехан ответил, Ренат утвердительно кивнул. Повернувшись ко мне, Джехан бегло осмотрел мою фигуру, словно я была диковинным товаром на базаре и он прикидывал, какой цены товар.

Затем произнес, растягивая слова: «Я передумал. После допроса ты будешь собственностью Рената. Он волен делать с тобой всё, что пожелает. И время твоей смерти он решит сам, когда ты ему наскучишь».

Кетрин в замешательстве уставилась на Рената, не зная, радоваться или огорчаться такому повороту событий. «Собственностью Рената»... Это ещё что означает??

Но лицо Рената по-прежнему было непроницаемо и она не могла прочитать ответы на свои вопросы. Кетрин посетила странная, совершенно неуместная мысль – он когда-нибудь улыбается? Что способно его рассмешить? Или вывести из себя?

В любом случае, Господь подарил ей время. А вместе с тем и шанс. Когда она сможет здраво мыслить, она найдёт способ сбежать от своего тюремщика!

– Робби Джехан (*мой господин Джехан – прим. автора*), позволь мне слово! – раздался знакомый голос, от которого всё моё тело прошиб озноб.

Аббас выступил вперёд. Джехан удивлённо посмотрел на него: «Говори».

Аббас метнул взгляд в мою сторону, и заговорил что-то на своём языке. Я сжалась в комок, прекрасно догадываясь, о чём он просил. Он хочет забрать меня себе. Ведь это он приволок меня сюда. Я всем своим нутром чувствовала, что оказаться в его руках означало долгую и мучительную смерть. Лучше сразу перерезать себе горло!

Хотя перспектива стать «собственностью Рената» мне также не нравилась, но попасть в руки к такому, как Аббас, внушало самый настоящий ужас. Я с замиранием сердца переводила взгляд от одного к другому, пока они решали мою судьбу.

Джехан что-то ответил, видимо передав право выбора Ренату, так как Аббас обращался теперь к нему. Ренат отрицательно покачал головой. Аббас повысил голос и стал спорить с ним. Ренат спокойно ответил отказом, – я слышала решимость в его ровном голосе, интонация которого всегда была одинаково спокойной. Одновременно с этим, уловила истерические нотки в голосе Аббаса.

Джехан вмешался и резко что-то ответил Аббасу. Тот молча склонил голову и замолчал. Он не смог заполучить меня! Я посмотрела на Рената почти с благодарностью. Однако в ответ получила всё тот же непроницаемый взгляд, который начинал меня порядком раздражать.

– Ты будешь допрошена сейчас. Масуд, отведи в переговорную. Я приду позже.

Допрос был долгий и изматывающий, но я решила рассказать всё, решив для себя, что собственная жизнь важнее лжепатриотизма.

Наконец Джехан встал из-за стола: «Мы закончили. Ренат, забирай свой трофей. Девчонка не сможет идти, бледная вся, сейчас отключится».

Это была чистая правда. Когда ко мне приблизился Ренат, я потеряла сознание.

Глава 4

Ренат выругался, доставая обмякшее тело из машины. Бегло оглядел кровоподтёки и синяки на белой коже. Проклятье! Как он будет заниматься с ней сексом, если она в таком состоянии! Этот ублюдок Аббас всегда жесток с женщинами: не кормит, избивает, пыгает! Эта, похоже, ещё легко отделалась.

Вовремя Ренат её заметил, иначе девчонке пришлось бы не сладко. Аббас хотел заполучить её себе. Там, в зале, он готов был многое отдать Ренату в обмен на его трофей.

Его сложно судить за это, – молодая, стройная, с аппетитной грудью, округлыми бёдрами... У него самого потекли слюнки, как только её привели в зал. Рыжеволосая девушка наверняка стала объектом вождления многих, находившихся там. Но пользуясь своим положением, Ренат забрал её себе. Снова он оказался первым, даже в такой мелочной схватке, как борьба за пленницу. Однако, с Аббасом надо быть начеку, рано или поздно ему надоест проигрывать.

Ренат взял девушку на руки и понес к дому. Она была очень лёгкой – он невольно подумал о том, когда она ела в последний раз.

– Бакир, открой мне ворота, руки заняты. – Проговорил он в видеодомофон.

Его дом был расположен в самом конце небольшого поселка, расположенного в 50 км от города. Дом обнесён высоким кирпичным забором с колючей проволокой по верху, снабжён видео-наблюдением и охраной, поэтому его пленницу никто не мог видеть, кроме немногочисленного персонала. Пока она на его территории – она в относительной безопасности. Опасность для неё представляет только он сам.

Ренат миновал охрану, коротко кивнув дежурному. Его персонал был вышколен не задавать лишних вопросов, поэтому дежурный быстро скользнул взглядом по девушке на руках командира и тут же отвёл глаза.

Подходя к дому по аккуратной тропинке, засыпанной мелким белым гравием, он встретил Зейнаб. Пожилая женщина много лет работала на него – убирала его дом, готовила, а самое главное – редко попадалась на глаза. Кроме того, она не раз зашивала его раны и отпаивала отварами, когда он был полуживой после ранений.

– Ренат, мархаба! Кис халек? (*«Здравствуй, как дела?» – арабский*)

– Здравствуй, Зейнаб! Всё благополучно. Как видишь, я с подарком.

– Кого это ты привёз? Какие странные волосы. Иностранка??

– Она американка, моя наложница. Подарок Джехана. Скажи нашим, что она моя ответственность. Я не потерплю посягательств на то, что принадлежит мне.

Женщина удручённо покачала головой: «Поняла, Ренат. Скажу ребятам. Но они бы и так не посмели. Только, боюсь, Гухрух это всё не понравится. Слухи по посёлку разлетятся быстро. Ты же знаешь, какая она ревнивая...»

Ренат совсем позабыл о своей любовнице. С ней он разберётся позже.

– Гухрух мне не жена, я не обязан отчитываться. Ты уже приготовила ужин? Там хватит на двоих? Девочка очень слаба.

Зейнаб хотела было расспросить хозяина, откуда взялась новая гостья и надолго ли задержится, но вовремя прикусила язык и вместо этого ответила: «Да, хватит, я приготовила на два дня!».

Ренат поблагодарил женщину и направился к дому. Персонал жил отдельно от него, располагаясь в двух небольших коттеджах правее от дома. Слева находились гараж на пять машин и хоз. блок. Повсюду было много зелени и цветов, Зейнаб очень любила работать в саду. Женщины и мужчины жили отдельно. Многие из них придерживались традиций ислама, но не Ренат.

Он предпочитал находиться в своём жилище в уединении. Отдохнуть ему удавалось редко, поэтому к одиночеству он относился уважительно. Иногда на ночь к нему навевалась Гухрух, иногда другие девушки, хотя без брака отношения с женщинами в его стране не приветствовались. Впрочем, алкоголь также был запрещен, но этот факт не помешал Ренату оборудовать небольшой бар в собственной спальне.

Он в принципе не любил подчиняться правилам, не любил отказывать себе в том, чего хочет. Сейчас он хочет эту рыжеволосую девочку, которую прижимает к груди.

Его двухэтажный дом из белого кирпича не был роскошным, но был монументальным и строгим. Первый этаж занимала небольшая гостиная и просторная кухня с широкими стеклянными окнами в пол, открывая прекрасный вид на цветущий сад с фонтаном. На втором этаже располагались две смежные спальни. Их тонированные окна выходили на улицу, позволяя лицезреть практически весь посёлок. Также было сделано окно прямо в крыше, дарившее возможность ночью любоваться на звёздное небо.

Войдя в своё жилище, Ренат скинул обувь, отнёс свою ношу в спальню на второй этаж и аккуратно опустил на кровать. Он выбрал свою спальню, решив, что она будет спать рядом с ним. В его широкой постели маленькая девушка выглядела совсем беззащитной и хрупкой.

Присев на край кровати, он посмотрел на худое лицо девушки. На лице был крупный синяк, нос отёк от удара, кожа бледная, мешки под глазами, и всё-равно она была очень привлекательна. Он не встречал такого удивительного сочетания черт: светлая кожа, рыжие вьющиеся волосы красноватого оттенка, зелёные глаза, стройная фигура с соблазнительными формами. Такая маленькая и нежная с виду, но при этом такая стойкая и отважная!

Он вспомнил, как прямо она держала спинку на допросе, хотя ноги её подгибались. Как она посмотрела ему прямо в глаза, умоляя его помочь, ища сострадания. В нём этого давно уже нет. Но он ощутил другую, не менее сильную эмоцию, – желание.

Он захотел заполнить её в свою постель с момента, как увидел. И получил! Только надо дать ей немного времени прийти в себя и окрепнуть. Он сможет доставить ей такое наслаждение, о котором она и помыслить не смела. Уверен, что и она – ему. Он чувствует своим мужским нутром, что она идеально подойдёт ему в постели! Если, конечно, не станет упрямиться.

Кетрин медленно приходила в сознание.

Она лежала на мягкой постели под покрывалом, и это было восхитительное блаженство! Широкая, удобнейшая кровать и благоухающее чистотой постельное бельё – это всё, что ей нужно для счастья! Она сладко потянулась, выставив руки вперёд и издав мурлыкающий звук. Но внезапно ощутила тупую боль в районе рёбер, тут же к ней вернулась память последних событий, а вместе с тем и осознание, в чьей она постели.

Кетрин резко села, озираясь по сторонам. Она была в этой спальне одна. Вокруг самая обычная обстановка; кресло, столик, шкаф с книгами, плазма на стене, прикроватная тумбочка с ночником. Стены выкрашены в песочный оттенок. На окнах плотные тёмно-коричневые шторы. Кровать широкая, мягкая, с белоснежным бельём, благоухающим чистотой.

Девушка осмотрела себя, – она была в трусиках и мужской светлой футболке. И больше ничего. Бинты с груди сняты.

«Он трогал меня, прикасался, передевал! Как это низко, ведь я была без сознания! Мне нужно найти одежду и попытаться сбежать, пока его нет!» – Кетрин стремительно встала, подошла к окну, аккуратно отодвинула штору. На улице темнело. Хоть стёкла окна были тонированы, защищая от зноя, – по заходящему солнцу было очевидно, что уже вечер. Невероятно, сколько же она спала?! По открывшейся её взгляду картине Кетрин поняла, что находится на втором этаже.

Вдалеке, за могучим кирпичным забором, виднелся весь посёлок, кипела размеренная жизнь. На улице играли дети, сновали женщины в хиджабах, одна из них пыталась загнать коз

в сарай, а стоявшая рядом девочка смеялась над ней. Поселок словно располагался в лесу и был окружен густой растительностью, напоминая зелёный оазис: лавр, финиковые пальмы, айва, кипарис. Так вот откуда в воздухе эти приятные, густые ароматы!

Ещё дальше, окутанные вечерней дымкой, едва заметные из моего окна, виднелись пики горных хребтов, у подножья которых раскинулись плантации риса и кукурузы. Такая прекрасная и такая чужая страна!

Вся эта картина показалась настолько умиротворяющей, что я ощутила прилив сил. Я в относительной безопасности. Здесь нет военных, нет боевиков. Думаю, легко смогу сбежать, надо только найти подходящую одежду.

Отойдя от окна, я продолжила исследование и подошла к книжному шкафу.

На полках аккуратными рядами стояли книги. Моё внимание сразу же привлекли русские буквы на корешках. Лермонтов, Маяковский, Островский... Я попала в рай, не иначе! С благоговением провела по ним пальцами, будто это были драгоценности. Произвольно вытянув одну из книг, открыла её, жадно глотая знакомые строчки, радуясь так, словно встретила старых друзей!

– Рад, что ты нашла себе занятие, Катерина.

От низкого, уверенного мужского голоса руки дрогнули и я выронила книгу. Та громко, с претензией шлёпнулась на ламинат. От его двусмысленного тона, которым было произнесено «Катерина», щеки мгновенно вспыхнули и пошли красными пятнами смущения.

– Просто удивилась, увидев знакомых здесь. В смысле, русских актёров... То есть, авторов... – пролепетала Кетрин.

«Б...ь, что ты несёшь?!»

Я совершенно растерялась, ощущая себя умственно-отсталой под этим внимательным взглядом.

В присутствии этого человека всё меняется – плотность воздуха, ощущения, контрастность мира в целом. Всё становится ярче, приобретает какое-то насыщенное звучание, оживает, волнует, будоражит. В его присутствии я натянута, как струна. От волнения переставляю буквы неправильно и путаю слова, мелю полнейшую чушь.

Скорее всего, виной этому стал его вкрадчивый тон, переливающийся всеми оттенками порока, а также его мощное тренированное тело, которое смутило бы даже заядлую скромницу. Но самое сильное впечатление производил этот тяжёлый, прожигающий насквозь взгляд, намертво припечатывающий к месту.

Кетрин мысленно одёрнула себя, призывая взять себя в руки.

Он не читает для неё. Закрыт. Что там внутри, под маской хладнокровия, деланного спокойствия и безразличия? И есть ли там что-то?

Обычно она с лёгкостью распознавала людей, особенно мужчин, ловко применяя к ним свою систему классификации. Бессодержательный мачо, маменькин сынок, нарцисс, ботаник, послушный-любитель-куни, болельщик с пивным пузом, и так далее. Как правило, не ошибалась, предугадывая исход общения с тем или иным мужчиной.

Все её романы, хоть их было не так уж и много по нынешним меркам, заканчивались очень быстро. Либо мужчина не выдерживал её характер, либо она не выдерживала его предсказуемость.

К тому же, она много работала, всегда оставляя личную жизнь на вторых ролях. Здесь же – она не представляет, что он за тип. Что от него ждать? На что он способен? Почему ей кажется, что он крайне опасен для неё?

И не спрятаться за спасительной работой. Не обратиться к кому-либо за помощью. Нет денег, телефона, документов при себе. У неё сейчас есть только она сама. Но и её он намерен присвоить себе, сделать своей шлюхой. «Собственность Рената».

Кетрин беспокойно вглядывалась в ледяную бездну его глаз в поисках ответов. Но разглядеть что-либо, кроме сдержанного интереса, так и не смогла.

Ренат подошёл ближе, наклонился к её ногам и поднял книгу, аккуратно вернув её на место. Он приблизился к Кетрин специально, намеренно нарушая зону её личного пространства. Внимательно следил за её реакцией. Сам не прикасался, сунув руки в карманы брюк.

– Боишься меня? – спросил так, будто это утверждение, а не вопрос.

Кетрин совсем ступсевалась. Когда он близко, её организм странно ведёт себя, включает аварийный режим! Пульс бешено стучит в висках, разгоняя кровь по венам, дыхание стало частым и прерывистым, словно не хватает воздуха. Она теряет контроль над ситуацией и свою природную сообразительность.

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть на него. Нависает над ней, как гора. Давит своей бешеной энергетикой. И этот его запах, сложный и смелый. По всей видимости, туалетная вода или мыло – смесь терпких ароматов, вызывающих лёгкое головокружение... Лимон, кедр, амбра и едва уловимые нотки ладанума. Смешан с его личным запахом мужского тела. Аромат очень ему подходит, – как вторая кожа окутывает его, подчёркивая его характер.

Кетрин поплыла. Ядерная смесь страха и возбуждения сделала своё дело, напрочь лишая здравого смысла.

Надо что-то ответить, он ждёт. Что он спрашивал?? Что-то про страх? Боюсь ли я его? Разумеется! Боюсь до одури! Но чтобы я сказала это вслух – не дождётся!

– Скорее, не люблю неизвестность.

Ренат усмехнулся её ответу. Изучая её лицо, он подвинулся к ней совсем близко, так, что Кетрин ощутила на коже его тёплое дыхание. Сердце упало от страха и забилось где-то внизу живота.

Он взял её за подбородок и приподнял лицо, заставляя смотреть ему в глаза: «Если я раскрою свои планы на тебя, ты перестанешь так трястись?»

Только сейчас Кетрин заметила, что её действительно бьёт мелкая дрожь. По венам стремительно бежала кровь, разгоняясь с каждой секундой, заставляя пульс заходиться в бешеной пляске. Кетрин не могла взять себя в руки и контролировать это состояние. Сил хватило лишь на короткое «Да».

– Хорошо.

Он неожиданно отпустил её и отошёл на пару шагов, делая вид, что оглядывает комнату. Кетрин наконец смогла дышать. Сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить сердцебиение. Что это было, чёрт возьми?!

Кожу на подбородке немного покалывало от его недавнего прикосновения, но внутри словно пронёсся смерч, выворачивающий на своём пути все её внутренности! Кетрин пребывала в полнейшем смятении. Услышала его голос будто издалека...

– Это наша спальня. В ближайшем будущем я буду заниматься с тобой сексом, когда хочу и как хочу. Днём я редко бываю дома, ориентируйся на вечер и ночь. Больше в твои обязанности ничего не входит. Только удовлетворять меня. Ты должна следить за своей гигиеной и быть послушной.

С каждой фразой она закипала всё больше. На последнем слове Кетрин резко вздёрнула подбородок, сверкнув глазами, чем заставила Рената усмехнуться:

– Хорошо, можешь не быть послушной. Меня это не волнует. Вижу, это слово противоречит твоей натуре.

Зелёные глаза метали в него молнии, внутри закипала ярость. Гнев быстро помог ей вернуть самообладание. В душе зарождался протест, она ненавидела, когда кто-то пытался руководить её жизнью.

Она-то надеялась на сострадание. На какой-то диалог. Возможно, им удалось бы найти выход. В конце концов, ему могут заплатить за неё выкуп, можно было бы попытаться договориться.

Ей показалось, он пожалел её. А он просто решил сделать из неё секс-рабыню. И что-то в его взгляде подсказывало ей, что ни на какие уступки он не пойдёт и деньгами его не заинтересовать.

Что ж! Она не похожа на восточных женщин, и не будет безропотно выполнять прихоти мужчины! Хочет заполучить её, пусть попробует! Ему придётся получить новые шрамы на свою смуглую физиономию, – она будет драться за своё достоинство!

– А если я откажу тебе? Убьёшь меня? – смело бросила она.

Ренат не сдержал улыбки, услышав подобную дерзость. Если откажет ему. Интересно, как она себе это представляет?

Или она возомнила, что он будет держать её здесь, чтобы издалека любоваться её красотой?

Кетрин уже не ждала ответ, и так всё ясно. Она ошиблась, мысленно наделив его человечностью. Она для него просто кусок мяса, не более. Экзотическое блюдо американской кухни. Проглотит и не подавится. Хладнокровный и беспринципный, без семьи, без веры, без совести. От такого не дождёшься проявления жалости. Мерзкий наёмник. А она – приятный бонус к удачной вылазке.

Он без труда читал все её мысли, бегущие быстрой строкой на её личике. Дикая кошка. Такой она нравится ему гораздо больше, чем трясущейся от страха. Этот полыхающий презрением взгляд зелёных глаз будоражит его кровь!

Он хочет заломить ей руки и бросить на кровать, что стоит позади неё и манит своими белоснежными простынями. Прямо сейчас. Взять её так грубо, чтобы она потом стоять не смогла! Хочет услышать, как она кричит от наслаждения! Но осматривая сейчас её хрупкую фигуру, бледное лицо и синяки, понял, что не время. Девочку изрядно помяли, ей нужен отдых. Сегодня он с ней спать не станет.

– У тебя есть пару дней на восстановление, – бросил он напоследок и не оглядываясь вышел из комнаты. Ему нужна разрядка, ему срочно нужна женщина. Любая.

Следующий день начался для Кетрин в полдень. Никогда она ещё не спала так сладко. Ей было абсолютно всё-равно, где её тюремщик провёл эту ночь. Она и не ведала, что заняла его спальню. Измученный последними событиями организм получил лошадиную дозу сна и теперь просил накормить его.

Кетрин убедилась, что в доме тихо, и направилась на поиски пищи, спустившись на первый этаж.

В этот момент раздался щелчок замка входной двери. Чёрт! Он же говорил, что не бывает дома днём!

Кетрин стремглав метнулась в холл, увидела справа кухню и направилась туда. Босые ноги обдало холодным воздухом, кожа покрылась мурашками.

Кетрин не издавала ни звука, он не мог услышать её. Она хотела найти нож, внимательно огляделась и нашла. Зажав его в руке, Кетрин прижалась спиной к стене и стала выжидать. Она только припугнёт его, конечно, убивать не собирается! Сердце бешено колотилось, как ей показалось, излишне громко! Кетрин сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

Ренат, будучи опытным военным, войдя в дом, сразу определил, где она прячется. А раз она на кухне, то определённо схватила первый попавшийся нож.

«Дикая кошка! Давай поиграем».

Сняв обувь, Ренат бесшумно двинулся в сторону кухни.

Кетрин не успела даже охнуть, как из её рук выбили нож. Ренат прижал её к стене, крепко держа за запястья и лишив способности сопротивляться. Девушка поёрзала в его руках и затихла, принимая своё поражение. «Чёрт возьми, это бесполезно, он просто огромный! Выше меня на голову и раза в два шире в плечах! И ведь при этом подкрался неслышно! Как он понял, что я здесь?!». Она скрежетала зубами и была крайне зла на себя, что упустила такую возможность!

– Ладно, всё! Отпусти!

Рената забавляла эта маленькая воительница, – без боя не сдаётся. Вдвое меньше него. Добыча решила атаковать охотника. И сейчас злится, что ничего не вышло.

– Будь благодарна. – Спокойно сказал он ей по-русски и отпустил.

Ренат наклонился, поднял нож и собирался убрать его в стол, как вдруг на его голову опустилась табуретка. Вот этого он явно не ожидал. Кетрин победоносно взвизгнула, рассчитывая, что оглушила его. Но не тут-то было. Он лишь слегка покачнулся, но быстро пришёл в себя. Оттолкнув ногой сломанную табуретку, Ренат двинулся на неё. Теперь он разозлился.

– Не надо! – Пискнула она, закрыв голову руками, решив, что он ударит.

– Хочу немного остудить твой пыл. – Голос ровный и будто спокойный. Но это обман. Таким же тоном он попросается и без колебаний нажмёт на курок, подумалось ей. Он сгрёб девушку в охапку и потащил в ванну.

Кетрин брыкалась, но все попытки были тщетны, – он смог одной рукой обхватить её тонкие запястья и держал стальной хваткой. В ванной была душевая кабина, куда её благополучно затолкали прямо в футболке. Ренат открыл холодную воду, включил душ и захлопнул дверцу.

Девушка на минуту застыла от шока, вода была ледяная! Затем стала колотить в дверь кабинки и посылать в его адрес самые грязные ругательства, которых в достаточном количестве набралась от солдат.

Ренат просто стоял и смотрел на это представление. Спустя минуту Кетрин трясущими руками нащупала нужный кран и выключила воду, но дверцу он всё-равно не открывал. Стоял и выжидательно смотрел на неё, придерживая ручку двери. В итоге она села прямо в лужу и обхватила колени руками, пытаясь растереть ноги и согреться. Время шло, Кетрин ощутила, как свело пальцы, – она действительно очень сильно замёрзла, зубы стучали от холода. Мокрая футболка неприятно облепила тело, но она лучше умрёт, чем снимет её!

Он выждал ещё пару минут, затем открыл дверцу и рявкнул: «Вставай». Кетрин не пошевелилась. Ренат рывком поднял её, сорвал с неё мокрое бельё и обернул в полотенце. Она одарила его испепеляющим взглядом, но не сопротивлялась, пока он растирал её.

– Что ж ты такая глупая, а? Решила убить меня в моём собственном доме, где полно охраны? Не подумала, что будет при этом с тобой?

Подхватив слабо протестующую Кетрин на руки, Ренат понёс её в спальню. Тело девушки била мелкая дрожь, конечности окоченели.

Он уложил её в кровать, накрыв одеялом. Сам сел на край постели и поинтересовался: «Остыла?»

– П...п...пошёл ты!

– Видимо, не совсем. Придётся провести разъяснительную беседу. Если ты меня убьёшь, – ты обречена. Выйти отсюда незамеченной у тебя не получится. – Он говорил с ней терпеливо и с расстановкой, словно с непоседливым ребёнком. – Кроме того, ты не знаешь дороги, местные жители с удовольствием продадут тебя боевикам, которые не станут с тобой церемониться, как я. – Он сделал паузу, дав ей время на обдумывание его слов.

Затем ровным тоном продолжил: «Быть грубой и строптивой со мной – не советую, я могу вести себя иначе. Тебе это вряд ли понравится. Лучше всего попробовать угодить мне. Тогда время, проведённое в моём обществе, станет приятнее».

– Я не собираюсь ублажать тебя! Если попытаешься изнасиловать, знай – я буду сопротивляться до конца, клянусь! – прорычала Кетрин.

– Не давай опрометчивых клятв. Я уверен, твоё сопротивление очень быстро падёт. – Со спокойной уверенностью констатировал Ренат, многообещающе улыбнувшись. – Но даже если нет, я возьму тебя в любом случае, пусть мне придётся для этого связать тебя и засунуть кляп в рот. Хотя нет... твой ротик мне нужен свободным.

Кэтрин мгновенно вспыхнула, уничтожая его взглядом. Какой же он мерзкий! Надменный, самоуверенный, непробиваемый!! Её первое смятение прошло, она больше не тряслась от страха или смущения, все её эмоции затмило чувство куда более сильное – гнев!

Кем он себя возомнил, её хозяином?? Рассчитывает, что она станет безропотно трахаться с ним, лишь бы угодить? Думает, напугал её холодным душем? Не на ту напал!

Ренат же оставался расслабленным и спокойным. Как всегда. Её дико бесило его хладнокровие, особенно в тот момент, когда она буквально готова лезть в драку!

Что может вывести его из себя?? Она бы многое отдала, чтобы это выяснить.

Ренат молча наблюдал за ней, усмехаясь её нелепым мечтам о самозащите. Он сидел достаточно близко, давая ей возможность рассмотреть его. Врагов надо знать в лицо.

Его руки полностью были забиты тату с непонятными ей узорами и надписями на арабском. Кетрин заметила татуировку, на которую раньше не обращала внимания: скорпион с поднятым вверх острым жалом и раскрытыми клешнями – от плеча до шеи. Интересно, что это означает?

На его бронзовой от загара коже виднелись шрамы и следы уже заживших ран от пулевых ранений. На шее блестела серебряная цепочка с военным жетоном. Рельефное лицо типичной восточной внешности. До того, как ему сломали нос (аплодирую этим людям!) и не появились шрамы, он мог бы считаться красивым мужчиной. Высокие скулы, щёки слегка тронуты шетинкой, губы привыкли изгибаться в усмешке, глаза... Единственное, что сбивало с толку – глаза, совершенно нетипичные для его национальности ярко-голубые глаза с тёмными ресницами. Всегда предельно внимательны, холодны и непроницаемы. Взгляд глубокий и тяжёлый, словно он видел в жизни что-то, после чего уже ничего не боится и ничему не удивляется.

Но сейчас она видела в прозрачной глубине его глаз языки разгорающегося пламени. Это и пугало, и притягивало одновременно, вызывая у Кетрин совершенно новые для неё, но очень сильные ощущения...

От фехтования взглядами воздух стал плотнее, словно прямо в комнате вот-вот разразится гроза.

Кэтрин, будучи не виновной, была знакома с этим состоянием возбуждения, которое шокировало её сейчас своей неуместностью. Она отогнала от себя непристойные мысли и гордо вскинула подбородок: «Ты собираешься изнасиловать меня сейчас?». Прозвучало неоднозначно, как приглашение... Надо было сделать ударение на последнем слове!

Ренат хмыкнул, слегка улыбнувшись. Она ему определённо нравится. Он встал: «Некрофилией не увлекаюсь. Наберись сил и поешь нормально, приведи себя в порядок, тогда и вернёмся к твоему вопросу». Он вышел из комнаты, оставив Кетрин кипеть от возмущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.